

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. П. ЕФИМЕНКО. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени.* Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Киев, Изд-во АН УССР, 1953, 663 стр., XV табл. и 318 рис., тираж 20 000 экз., цена 37 р. 60 к.

Уже первые издания этого труда (1934 и 1938 гг.) стали настоящей книгой каждого археолога в СССР и общепризнанным университетским пособием по археологии палеолита для студентов археологических отделений. Это объясняется не только тем, что труд П. П. Ефименко был единственной наиболее полной сводкой современных данных по палеолиту СССР, но и тем, что он являлся, по существу, первой попыткой изложить древнейшую историю человечества с марксистской точки зрения. Это обстоятельство заставляет отнести к третьему, переработанному изданию «Первобытного общества» с особенно повышенными требованиями.

Прежде всего необходимо отметить, что при чтении новой редакции этой книги создается впечатление, что автор проделал большую и плодотворную работу над старым текстом. Не говоря уже о значительных дополнениях, состоящих главным образом из новых данных, которые получены за последние годы в СССР и за рубежом, автор внес в новую редакцию своей книги многочисленные поправки и уточнения по ряду проблем в истории палеолитического времени. При этом коренной переработке подвергнута была им та часть книги, где в первых двух изданиях были допущены ошибки марксистского характера; во введении П. П. Ефименко изложил сущность этих ошибок и дал их развернутую критику.

Построение книги сохранено старое. Автор последовательно описывает этапы развития человеческого общества от его возникновения до окончания ледникового периода. Он подробно останавливается на окружающей человека того времени природной среде, анализируя причины, вызывавшие различные изменения в климате, растительности и животном мире. Сжато, но достаточно подробно, автор касается вопросов физических изменений в типе человека. Так же по большей части конспективно и вместе с тем в общем достаточно исчерпывающе описаны им многочисленные палеолитические памятники Евразии. В особые разделы выделены описания техники производства и типов главнейших орудий труда, характера производственной деятельности и общественных отношений на разных ступенях развития общества. В главах, посвященных позднему палеолиту, большое место отведено вопросу происхождения и развития палеолитического искусства.

В труде П. П. Ефименко, несмотря на некоторые повторения, привлекает читателя систематичность и внутренняя согласованность изложения. От начала до конца проводится цельная, оригинальная и в основном подкрепленная солидными доказательствами концепция в отношении древнейших этапов истории человеческого общества. Обладая в этой области огромной эрудицией, П. П. Ефименко основывает свои выводы на колоссальном фактическом материале, тщательно им анализированном. В этом заключается большое достоинство книги, но в этом же кроется некоторая опасность для читателя, который, благодаря этому, не всегда может достаточно критически отнестись к некоторым из положений, выдвигаемых автором. А такие дискуссионные положения, как мы постараемся показать ниже, в книге существуют

Первый раздел книги посвящен вопросу о ледниковом периоде. Как и в предшествовавших изданиях, П. П. Ефименко стоит, повидимому, на позиции моногляциалистов. Во всяком случае, он прямо утверждает, что теория ледниковых и межледниковых эпох, как чередующихся циклов развития полярных условий и теплой фауны и флоры, «не находит подтверждения в фактическом материале» (стр. 42). Конечно, вопрос о множественности оледенений в четвертичном периоде и о числе их является до настоящего времени дискуссионным. Тем не менее в таком капитальном труде, как книга П. П. Ефименко, следовало, как нам кажется, более подробно остановиться на последних данных, приводимых полигляциалистами в защиту их точки зрения, и высказать о них свое мнение. Мы имеем в виду, в частности, данные пыльцевого анализа ископаемых почв четвертичного периода¹. Кроме того, принимая гипотезу о едином длительном ледниковом периоде в четвертичное время, автору следовало избегать таких терминов и выражений, как миндельское, рисское или вюрмское оледенение (стр. 67 сл.). Такие выражения и термины дезориентируют читателя и не позволяют точно представить себе, какой же гипотезы придерживается автор: моно- или полигляциализма.

Вся книга разделена автором на две большие части: «Первобытное стадо» и «Возникновение рода». Название первой части только терминологически совпадает с названием древнейшего этапа в развитии человечества, применяемым некоторыми советскими археологами, как, например, П. И. Борисковским, и антропологами В. В. Бунаком, И. И. Рогинским и другими. Хотя П. П. Ефименко неоднократно ссылается в своей книге на этих антропологов, тем не менее он вкладывает в понятие «первобытное стадо» совсем иное содержание, чем эти авторы². П. П. Ефименко начинает раздел об обществе шелльской эпохи словами, что это общество является еще очень мало освещенным», а в конце раздела говорит, что этот этап следует рассматривать «как огромный исторический важности шаг от животного к человеку, от стада к обществу» (стр. 118—120). Он допускает даже знакомство людей этой эпохи с огнем (стр. 125), а одно из его положений сформулировано даже так: «Шеллец — общественный человек, хотя и самый примитивный» (стр. 128). Третья глава первой части озаглавлена «Первобытная община неандертальцев», а в самой главе описывается общество, технически оснащенное уже различными каменными орудиями (в том числе топорообразным рубилом), метательными орудиями (болосом и, вероятно, деревянным копьем), общество, состоящее из «крепких и сплоченных групп мустьерских охотников» (стр. 243), с наличием кровнородственной семьи и т. д. Нам кажется, что к обществу, стоящему на такой ступени развития, совершенно неприменимо название «первобытное стадо», объединяющее первые три главы: между названием этой части и ее содержанием имеется недопустимое противоречие.

Уже в первых изданиях этой книги П. П. Ефименко отмечал локальные различия в каменном инвентаре палеолитических стоянок. В настоящем издании эта мысль получила дальнейшее развитие и послужила основанием для чрезвычайно важных выводов. Так, автор считает возможным объяснить локальные различия отсутствием в ту эпоху «стойких объединений первобытных родовых общин» (стр. 305—310). Эта гипотеза, подробно развиваемая автором на страницах его труда и подкреплённая приводимыми им фактами переслаивания палеолитических горизонтов, как, например, случаями нахождения мадленских по общему характеру слоев ниже горизонтов солиютрейского или ориньякского типа, заставляет П. П. Ефименко прийти к заключению, которое совершенно по-новому освещает историю палеолита и имеет большое значение для хронологизации палеолитических памятников. В частности, гипотеза П. П. Ефименко позволяет удовлетворительно разрешить острый вопрос о хронологическом соотноше-

¹ См., например, В. П. Гричук, Растительность русской равнины в нижне и среднечетвертичное время. Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР. Работы по споровопыльцевому анализу, М., 1950.

² См. мою рецензию (ВДИ, 1953, № 2, стр. 111 сл.) на статьи этих авторов в сборнике «Происхождение человека».

нии культурных слоев на стоянках костенко-боршевского района. Известно, что тщательное исследование этих памятников показало совершенную безукоризненность геологических напластований. Но в противоположность четкости геологических слоев, последовательность культурных горизонтов некоторых многослойных памятников этого района не укладывается в принятую хронологическую схему позднего палеолита.

Анализируя вопрос о периодизации позднего палеолита (стр. 285 сл.), П. П. Ефименко считает, что с делениями раннего палеолита — шелль, ашель, мустье, следует сопоставлять не дробное деление позднего палеолита — ориньяк, солютре, мадлен, а весь поздний палеолит в целом, памятники которого «имеют так много общих черт, являются настолько близкими во всей своей массе, что их естественно было бы также объединить в единое целое, как памятники одной определенной исторической эпохи» (стр. 286). Признавая всю важность оценки характера различных изделий из камня, рога и кости для выяснения производительных сил общества этого времени, П. П. Ефименко (стр. 286) отказывается видеть в появлении «несколько лучше сделанных наконечников копий или гарпунов и в других подобных фактах такие специфические признаки, которые, являясь достаточными показателями изменения общественно-хозяйственного уклада первобытного общества, тем самым могли бы быть положены в основу хронологического расчленения позднего палеолита в смысле названных выше «эпох» (ориньяк, солютре, мадлен. — А. Б.).

Исходя из этого, П. П. Ефименко предлагает для хронологизации палеолитических памятников использовать признаки типологического характера только с учетом исторической значимости и в этом отношении делит историю палеолита Европы на три хронологических отрезка:

1. Ранняя пора (ориньяко-солютрейская эпоха), характеризующаяся «более или менее оседлым типом охотничьего хозяйства, в котором чрезвычайно большую роль во всей последнеледниковой полосе Европы играла еще весьма продуктивная охота на мамонта».

2. Поздняя пора (соответствующая времени мадлена) со своеобразным хозяйственно-бытовым укладом охотников-номадов. Это время отличают «появление многообразных видов оружия и всякого рода приспособлений, сделанных из кости и рога, преимущественно северного оленя, большое усложнение кремневого инвентаря, расцвет изобразительного творчества и пр.».

3. Заключительная пора (совпадающая в основном с азийской эпохой), «когда охотничье хозяйство позднепалеолитического общества приходит в заметный упадок и на смену ему начинают выдвигаться иные источники добывания средств к существованию, которые получают преимущественное значение уже в последующую эпоху родового общества, в раннем неолите» (стр. 287).

Не отрицая законности выдвижения фактора общеисторической обстановки, особенно в свете последних открытий, опрокидывающих старую хронологическую схему, приходится тем не менее признать, что предлагаемый П. П. Ефименко метод датировки позднепалеолитических памятников открывает возможность для чисто субъективных решений. Конечно, преувеличение роли типологических признаков приводило и приводит некоторых последователей к неустраняемым противоречиям, как это в ряде случаев показано в книге П. П. Ефименко. Тем не менее автор сам нередко принужден прибегать к датировке на основании того же типологического анализа, как, например, в отношении верхнего слоя Тельманской стоянки, Ильской стоянки и ряда других. Вместе с тем применение им нового метода приводит его иногда к датировке одной и той же стоянки разными отрезками времени. Как пример можно привести датировку П. П. Ефименко стоянки Мальта. Стоянка эта им датируется поздним палеолитом (стр. 297), ранней порой позднего палеолита (стр. 303), солютре (стр. 342 и 382), временем Костенок I (стр. 380), концом солютрейской эпохи (стр. 385), поздней порой ориньяко-солютрейского времени (стр. 481), временем, предшествующим Мезину (стр. 503), мадленом (стр. 510, 515, 519), временем позднее Костенок (стр. 574). Таким образом, стоянка Мальта, по датировке П. П. Ефименко, попадает как в раннюю, так и в позднюю пору позднего палеолита. Между тем этот памятник, по категорическому

утверждению исследовавшего его М. М. Герасимова, является однослойным. Едва ли это поселение могло существовать непрерывно такое колоссальное время.

Предлагая (на стр. 314—319) новое хронологическое деление позднепалеолитических памятников на памятники раннетельманского, позднетельманского, костенковского, мезинского, кирилловского, гонцовского и боршевского или журавского типов, П. П. Ефименко часто не придерживается в своей книге этого деления и широко использует наряду с ними старые термины не только в тексте, но и заголовках. Так, глава пятая включает в себя среди других разделы: Раннетельманское время, Позднетельманское время, Памятники ориньякского типа, Памятники солютрейского типа, Памятники костенковского типа и т. д. Такое переименование различных терминологических систем представляет большое неудобство для читателя.

Но если предлагаемая П. П. Ефименко схема периодизации позднего палеолита еще недостаточно разработана в отношении метода ее применения, то его гипотеза о сосуществовании на территории Европы, иногда в близком соседстве друг с другом, племен с различными культурными комплексами ориньякского, солютрейского, мадленского типов в разных их вариациях кажется нам вполне приемлемой и хорошо объясняет в частности переслаивание культурных горизонтов, относящихся к разным (по старой схеме) хронологическим этапам, на некоторых палеолитических местонахождениях. Эти комплексы представляют собою, конечно, аналогии последующим археологическим культурам неолитической эпохи. Прослеживаемые уже сейчас изменения в этих культурных комплексах дают возможность и право П. П. Ефименко прибегать к типологическим сопоставлениям для датировки отдельных памятников, ничем не отличающейся иногда от критикуемых им приемов датировки других исследователей. Так, например, датируя атерийские памятники (стр. 605), П. П. Ефименко пишет: «Присутствие здесь, помимо накопечников, также вполне характерных удлиненных пластинок, резцов, скребков, наконеч острей, близких к типу Граветт, определенно указывает на начальную пору позднего палеолита». Но несомненно, что такие признаки могут быть положены в основу только локальной хронологической схемы. В этом отношении П. П. Ефименко прав, отрицая возможность приять их за признаки эпохальных изменений даже для Европы. Вместе с тем переименование этих признаков позволит широко использовать такие переименования для анализа взаимоотношений между различными палеолитическими группами населения.

В постановке и в применении (хотя не всегда достаточно последовательно) гипотезы о сосуществовании в палеолитическое время многочисленных, разнородных культурных комплексов, которым придавалось и в большинстве случаев ошибочно придается значение эпохальных изменений, заключается основное значение нового труда П. П. Ефименко. Даже в том не вполне законченном виде, в каком эта гипотеза изложена в третьем издании «Первобытного общества», она открывает широкие перспективы в области исследования древнейших периодов истории человечества.

В этой книге, как во всяком большом труде, конечно, имеется довольно много спорных моментов по различным частным вопросам. Так, например, представляется не совсем удачным объяснение некоторых, иногда довольно существенных, сторон в жизни первобытного общества наличием или отсутствием тех или иных потребностей. Низким уровнем потребностей и неразвитостью форм разделения труда П. П. Ефименко объясняет (стр. 242) отсутствие стимулов для взаимного общения отдельных мустьерских групп. А несколько ниже (стр. 245) он указывает, что «усложнение жизненных потребностей вместе с зарождавшейся оседлостью могло влиять все же на известное разграничение некоторой сферы мужского и женского труда». Это идет в разрез с марксистским положением, что наши потребности вытекают из производства, а не наоборот. Ведь автор сам в другом месте, говоря об уровне развития общества в позднепалеолитическое время (стр. 288), правильно формулирует, что «появление не известных ранее видов орудий, оружия, утвари, зарождение изобразительного творчества и пр., связанных, несомненно, с значительным расширением в условиях позднего палеолита материальных потребностей человека и средств их удовлетворения, не может быть

понято вне внутренней обусловленности исторического процесса, прежде всего значительного роста производительных сил первобытного общества).

Трудно согласиться с гипотезой П. П. Ефименко «о более или менее кочевом образе жизни» мадленцев (стр. 509 сл.). Приводимые факты неубедительны. Ведь автор сам признает (стр. 510), что прочные зимние жилища были обнаружены в Мальте, Бурете, Мезине, Тимоновке. А против обычной формулы, в которой говорится «о подвижных охотниках на северного оленя» (стр. 511), можно возразить, указав на выдвигаемое в последнее время предположение, что постоянные миграции современного северного оленя являются не первичным признаком образа жизни этого животного и возникли только с отступлением последнего ледника. Кроме того, сам П. П. Ефименко несколькими страницами выше (стр. 491) указывает, что анализ костных остатков свидетельствует, что мадленцы в области Пиренеев только с весны и до осени откочевывали к берегу моря от мест своего постоянного обитания.

Очень досадно, что П. П. Ефименко не только не развил раздел о верхнепалеолитических находках в Китае, но почти полностью сократил даже тот материал, который был им дан в первом издании. Приведенные данные по палеолиту Монголии (на основании разведок А. П. Окладникова), разумеется, при всем их интересе не могут заменить опущенного материала.

В заключение необходимо указать на не совсем удачное построение всей книги, при котором разделы, посвященные общим проблемам, перемежаются с разделами, в которых дается описание памятников. Это приводит к неизбежным повторениям или, что еще хуже, к делению описания одного и того же памятника на части.

Книга иллюстрирована многочисленными рисунками, но на многих из них не указан масштаб изображенных предметов и почти нигде не указан источник заимствования, если рисунок взят из трудов другого автора. Жаль также, что автор слабо использовал метод картографирования и не приложил к своему труду карты палеолитических местонахождений в СССР, хотя бы тех, которые в этом труде упоминаются.

А. Я. Брюсов